

НАДО ПОМНИТЬ!

Война украла детство

В преддверии праздника Победы мы всегда уделяем особое внимание ветеранам, участникам великих сражений, и частенько забываем о тех, кто хлебнул лиха в тылу. «Все для фронта, все для победы!» – под этим девизом трудились и школьники.

Именно им, детям войны, и было посвящено заседание клуба устной истории «Это было при нас...» в городском музейном комплексе «Наследие».

Оно прошло в небольшом помещении, стилизованном под старинный чердачок. Окружающая обстановка создавала ощущение путешествия во времени в город, которого уже не существует, – Ставрополь. «Это было недавно, это было давно...» – вертелось в голове слова из песенки прошлых лет. И действительно, всего-то прошло шесть десятков лет, а кажется, что попали в другой мир. Готова принять неравный бой флотилия утюгов (таких мастодонтов уж точно не найдешь в обиходе). Зовет в атаку крошка-колокол с храма, взорванного в 50-е годы. Шикарный сундук помнит Василия Баныкина: именно его семье он принадлежал. А здесь уютно расположилась та самая одинокая гармонь. Фотографии, письма, домашняя утварь... Все дышит стариной и воспоминаниями.

Вот и почетные гости. Каждому из них есть что вспомнить. Хотя в Ставрополе не проходила линия фронта, не рвались снаряды, но все 1418 дней и ночей войны ставропольчане были вместе со страной, работали для фронта. Самой большой организацией в городе по количеству работающих была артель «Заря». В ней были швейная, сапожная мастерские, валяльный и кирпичный цехи, большой хозяйственный двор и другие службы. С первых же дней войны здесь стали шить обмундирование для фронта, изготавливали ложе для винтовок и автоматов, делали сани, лыжи, валяли валенки.

Именно там и работал Александр Третьяков. Его отец, Григорий Иванович, возил ставропольскую почту – те самые солдатские треугольнички, которые так ждали в каждом доме. Увозил письма от родных и, конечно, посылки.

Александр Григорьевич родился в 1927 году, в 1941-м окончил 7 классов, было желание поступить в речное волжское пароходство. Но началась война и порушила все планы.

В валяльном цехе артели «Заря» работали 12 – 15 крепких мужичков, 8 женщин и 6 – 7 подростков-учеников, в том числе трое моих друзей, – начинает рассказ Третьяков. – И когда мне исполнилось 15 лет, я решил трудиться там же, делать валенки для фронта. Работа была тяжелая, в горячей воде.

Утром Саша вставал, бежал в цех, делал валенок и уходил домой завтракать. Потом возвращался. На обед ребята не ходили, пока работа не будет выполнена. Помимо этого занимались заготовкой сена и дров. И, конечно, по мелочам еще помогали.

Особенно запомнилось Александру Григорьевичу, как с помощью мастера-учителя для себя чесанки изготовил, так называемые бурки. Такие носили высокопоставленные лица. Тонкая рабо-

та. В них потом даже на танцы ходил. А еще как их мастер приносил патефон с пластинками Мордасовой и Руслановой, чтобы работали в темпе.

За труд в валяльном цехе он получил медаль «За трудовую доблесть». А через 4 года Третьякову вырезали аппендикс: он был забит утробованной шерстью. Вот вам и валенки...

В 1944 году Саше исполнилось 17 лет, в этом возрасте уже призывали на службу. Ему очень хотелось попасть на флот. И с помощью работника военкомата после прохождения комиссии он туда попал. Прослужил три с половиной года в штабе Балтийского флота, был командиром самостоятельного сторожевого корабля.

– Товарищи, он решил повысить свое образование. Разве мы можем его судить?

И отпустил парня с миром. Другой случай произошел, когда он уже работал на автомобиле. Однажды стояли они компанией около грузовика «Форд». И стал Михаил хвалить эту машину: надежная, крепкая, пришла в тыл с фронта и работала отлично. А на другой день его пригласили в КГБ. Но кагэбэшник попался понимающий. Посмотрел на парня, шепнул на ухо:

– Милый, иди и больше никогда не хвали иностранную технику.

Антонине Чапыриной было всего 10 месяцев, когда отец ушел на фронт. А 29 марта 1944 года он погиб под Ленинградом.

В заключение Александр Григорьевич с гордостью развернул алый стяг и сказал:

– Спустя 40 лет, когда вышел на пенсию, я посетил в Севастополе корабль, на котором служил. Этот флаг развевался на носу корабля, а когда устарел, его заменили на триколор, а этот мне подарили. И еще. По специальности я был рулевой сигнальщик. И теперь передаю всем привет таким вот образом.

Лихо семафоря сигнальными флажками, Третьяков произнес:

– Я... поздравляю... вас... с Днем... Победы!

Михаил Горбунов, бывший заместитель генерального директора АВТОВАЗа, за многолетний труд отмечен многими наградами. А в начале войны ему было всего 13. Отец, Петр Васильевич, в 1941-м ушел на фронт и погиб в 1944 году, в память о нем остались только письма. Михаил был единственным мужчиной в семье, и поэтому вместо учебы отправился работать в ту же артель «Заря». В тот же валяльный цех. Здесь с ним произошел интересный случай...

Михаил Петрович получил права водителя и решил работать по специальности, но из артели его отпустить не хотели, даже в суд на него подали. Судья вызвал к себе обе стороны. Михаил показал удостоверение и сказал, что ему еще нужно доучиться. На это судья ответил:

– Мы были маленькими, но воспоминания военных лет сохранились, – делится Антонина Михайловна. – Около печки-голландки стоят две табуретки. Встаю на одну и начинаю декламировать:

Бабушка Варварушка
Мне связала варежки.
Отослал на фронт бойцу:
Вдруг достанутся отцу?

– Эти стихи я помню всю жизнь, – продолжает Чапыринова. – А когда бабушка писала на фронт отцу, мы всегда просили: пусть папа скорее приезжает и привезет нам мешок сахара и мешок конфет. Вот как нам не хватало сладкого.

Мне было 4 года, а брату 6. Помню, как бабушка звала нас во двор чесать на машине шерсть. Мы подставляли чурбачки под ноги, чтобы дотануться, и крутили эту самую машину – ческу. Так помогали взрослым. Бабушка никогда нас не ругала, только хвалила, даже если ей приходилось все переделывать. Еще старались угостить хоть чем-то детей, которых привозили в ставропольский детский дом, делились с ними последним. Необыкновенную доброту воспитала в нас война.

Виктор Иванович Ларин – еще один гость клуба. Он младший брат Федора Ларина, имя которого носит одна из улиц города. На представленных им уникальных фотографиях последние мирные дни.

– 22 июня Федор с друзьями пошли купаться, и мы увязались с ними. Тогда и услышали страшную новость, – вспоминает Ларин. – Вернулись домой, включили радио. Выступал Молотов, он и объявил о начале войны. Вечером был большой митинг, много выступающих. Мобилизовали брата в августе. Сбор был в педучилище, играл духовой оркестр, было много народу. Потом всех построили и повели на пристань. Там дождался парохода, плакали, пели, прощались. Пришел пароход, и они уехали. Мы долго стояли, махали и грустные вернулись домой. Большие брата я не видел.

Виктор Иванович утверждает, что Федор Ларин погиб не 19 ноября 1943 года, как считается, а 18-го. 19 ноября в Короватичах является днем освобождения. Наверное, поэтому и было решено озвучить эту дату. Часть, в которой воевал Федор, заняла село 18-го числа. Когда стемнело, в него вновь просочились фашисты. Переброшенные в тыл к немцам советские солдаты обстреляли свои же позиции. Потом по селу ходили разведчики, искали немцев. А те уже ушли, забрав своих и добив наших раненых.

Виктор Ларин – потрясающий брат. Он посвятил много времени изучению военной биографии Федора, повторил путь, пройденный старшим братом, встретался с его однополчанами. Не раз посещал сельское кладбище и братскую могилу, в которой похоронен Федор.

– Он прожил 20 лет, 1 месяц и 4 дня. Не успел обзавестись ни женой, ни детьми, – подытожил Виктор Иванович.

Леонид Левицкий, сын известного ставропольского хирурга Романа Левицкого, так вспоминает свое детство:

– Мне повезло: я почти не жил без отца. Он в августе 41-го получил тяжелую контузию и в феврале вернулся домой. В 1941-м я пошел во второй класс. А в 42-м немцы пришли на Волгу. Сталин-

град отбивался, Саратов бомбили. Долетали немцы и до Куйбышева. Брат жил там и привозил в качестве сувениров осколки, упавшие на той территории.

В Ставрополе не было войны, но ребята готовились. На территории школы рыли траншеи. А еще работали в огороде, косили сено, заготавливали дрова и занимались сбором бересклета. Страна была отрезана от мест, где можно получить каучук для резины, и кто-то из ученых решил, что в этом кустарнике много каучука.

– Еще мы проводили шешские концерты и один раз даже получили по шапке в прямом смысле слова – за отличное выступление. Рады были неслыханно, – рассказывает Левицкий. – Но для меня война случилась однажды, в августе 1942 года, когда поехал в гости к дедушке-бабушке в Куйбышев. В районе Ширяева со стороны Жигулей послышался рев авиационных моторов, и прямо на наш пароход пикировали немецкие бомбардировщики, один даже сбросил снаряды. Конечно, люди были в панике, хватали спасательные круги. Момент ужасный. Но самым храбрым там оказался я, потому что ничего не понимал. Мне было просто любопытно, что это за шум и фонтаны такие. Отец меня прикрыв, все закончилось благополучно.

Хорошо помню День Победы. Было солнечно, но дул холодный северный ветер. Объявили, что кончилась война. В Ставрополе была площадь, на немецкий лад называемая плац, весь город сбегался туда, были митинг, знамена, плач, радость. И вдруг ни с того ни с сего как начался проливной дождь! Все кинулись кто куда и остались наедине со скорбью о погибших и с великой радостью от сознания, что победили. Но с окончанием войны трудности не кончились. Впереди было восстановление разрушенной и разграбленной страны.

Юлия Пономарева